

Мысль Юй Шанчжи возникла не на пустом месте: в словах Сюй Байфу ясно прозвучало - поросят в этот раз родилось больше, чем ожидали. Хотя хозяйство семьи Сюй уже было довольно крупным, но и для них каждая лишняя голова на счету: чем больше удастся продать, тем лучше.

Обычно свиноматка приносила по восемь-девять поросят, бывало и того меньше, пять или шесть. По нынешним меркам это было неплохо, но, конечно, деревенские свиньи и рядом не стояли с современными мясными породами, да и с кормлением тут всё куда скромнее.

Услышав слова мужа, Вэнь Ецай сразу понял его мысль: если взять сразу и кабанчика, и свиноматку, то выгода будет двойной. Кабана можно будет откормить и пустить на мясо, а свиноматку отдать на случку с племенным кабаном семьи Сюй. Тогда, когда она принесёт приплод, семья не только обеспечит себя мясом к праздникам, но и сможет продавать поросят, как это делала семья Сюй. А заколотого кабана, если мяса окажется слишком много, можно будет засолить и превратить в вяленое мясо, правильно приготовленное, оно хранится по полгода без порчи.

— Я тоже так думаю, — согласился Вэнь Ецай.

Что такое ещё один поросёнок? Свинарник у них был достаточно просторный, денег в семье теперь хватало, чтобы позволить себе эту покупку. На деле же большинство пришедших семей брали всего по одному поросёнку, да и то в основном кабанчиков. Лишь две семьи решились на свиноматок.

Сначала Юй Шанчжи, как и договаривались заранее, вместе с Вэнем Ецаем выбрал кабанчика. Потом они подождали, присмотрелись и, видя, что всё равно остаются лишние, заговорили о том, чтобы взять ещё и свиноматку. Внуки семьи Сюй, молодые геры, один за другим прыгали в загон. По мере того как семьи определялись с выбором, они мазали на поросят метки из красного сока трав, чтобы у каждой семьи был свой знак. Так потом никто не спутает и чужого не заберёт.

Выбрав поросят, стороны условились через месяц прийти и забрать их. Тут же внесли половину задатка, в который уже входила и оплата за услуги кастрации кабанов, которую должен был провести приглашённый свиновод.

В этот раз среди покупателей поросят оказались и незнакомые лица из соседних деревень, вероятно, какие-то родственники семьи Сюй. Завидев, что Юй Шанчжи и Вэнь Ецай, пара молодых супругов, берут скотину так щедро, они тихонько спрашивали у семьи Сюй. Узнав, что один из них врач, сразу всё стало понятно: неудивительно, ведь у него есть профессия, которая способна кормить всю жизнь.

Одна из женщин, выяснив это, уже с другим интересом уставилась на Вэнь-эрню. Ей сразу сказали, что это сестра мужа лекаря, и по чертам лица видно было, что девочка, хоть ещё юная, но красавица что надо. Женщина тут же заулыбалась и подседа к жене Сюй Байфу, осторожно расспрашивая, не сговорена ли эта девчонка уже с какой-то семьёй. Но, едва она

завела речь, как наткнулась на мягкий, но твёрдый отпор: та с улыбкой ответила, что за Эрню уже закреплена детская помолвка с сыном их родного племянника.

Кто бы мог подумать: даже в таких делах семья Сюй успела опередить других. Женщина с досадой скривилась, но спорить не стала, только вздохнула с некоторым разочарованием и отступила.

А сама Вэнь-эрню и не догадывалась, что по мере того, как она вырастет, всё больше людей начинают поглядывать на неё с целью брака.

Вернувшись из дома Сюя Байфу, Вэнь-эрню стремглав помчалась во двор проверить своих кур и уток. Благодаря её заботе птичники у них всегда были чистыми и сухими, без мух и всякой живности: она ежедневно окуривала их лекарственным дымом, кормила птицу добротным кормом, ничего не упуская. Недавно купленные утки уже начали нестись, каждый день можно было собрать по нескольку яиц. Эрню аккуратно их копила: часть оставляла для семьи, а остальные каждые десять дней отдавала старшему брату и Юй Шанчжи, чтобы они отвезли в город. Деньги с продажи шли прямо в её собственный маленький кошелек.

Из-за этих подсчётов и продаж ей пришлось снова браться за грамоту и учиться вести счёт. Она с братом Вэнь Ецаем были, если говорить современным языком, настоящие «безнадёжные двоечники». Каждый день им задавали по пять больших иероглифов, но к следующему утру Эрню напрочь забывала четыре из них. У Вэнь Ецая дела шли чуть лучше, он удерживал в памяти два с половиной.

С трудом, спотыкаясь, с апреля до июля они дошли лишь от «одного» до «десяти», и то далось это Эрню так, словно её на каторгу отправили. Тут-то Юй Шанчжи и понял, почему в прошлой жизни его родственники, у кого были дети, неизменно жаловались, как сводит с ума необходимость сидеть рядом, когда те делают домашние задания.

Чтобы учёба хоть как-то совмещалась с забавой, он на этот раз заставил Вэнь-эрню придумать имена для каждой курицы и утки во дворе. Эрню, разумеется, решила схитрить: начала с «Маленькая Один», потом «Маленькая Два» и так до «Маленькая Десять», а после ещё добавила парочку: «Маленькая Сто», «Маленькая Тысяча», «Маленькая Десять тысяч».

Когда она показала записи Юй Шанчжи, он не стал спорить с самими именами. Но взял кисть и поправил: все цифры переписал в большой записи - в сложной форме иероглифов. Вэнь-эрню, увидев, сколько лишних черточек появилось, чуть не расплакалась.

Кур и уток у них было много, пальцев на руках не хватало, чтобы всех посчитать. Остальные имена Юй Шанчжи велел брать прямо из азбучной книги, по которой она училась. А ещё он настоял: каждое имя нужно прописать полностью, и обязательно в тетрадке отмечать, какая птица и в какой день снесла яйцо.

Этот способ подействовал безотказно: Вэнь-эрню сразу стала покорной и старательной, каждый день прилежно занималась, а если что-то не понимала, умела спросить совета у Вэнь-

санья или Кон Майя.

А вот со вторым домашним «двоечником» Юй Шанчжи выбрал иной метод. Вэнь Ецай и подумать не мог, что при ясной луне, в долгую тихую ночь, рядом с красивым мужем... его вдруг усадят за стол и заставят выводить крупные иероглифы!

Они оба только что закончили купаться. Вэнь Ецай ещё наслаждался лёгким запахом лекарственных трав от банного мешочка, и ему оставалось лишь шагнуть вперёд, чтобы повалить своего Юй Шанчжи прямо на постель. Но не успел, тот опередил.

Даже когда в ладонь Вэнь Ецай насильно вложили кисть, он сидел с лицом, полным недоумения и неверия.

— В такой-то час... ты серьёзно хочешь, чтобы я учил грамоту? — пробормотал он и даже ткнул пальцем в окно, где висела круглая, словно надкушенная лепёшка, луна.

Юй Шанчжи был одет в лёгкую домашнюю рубаху с чуть расстёгнутым воротом, поверх которой набросил простую длинную накидку. Вэнь Ецай, увидев его таким, едва сдерживал разгулявшиеся мысли, но сам лекарь, казалось, и вовсе не понимал намёков супруга.

— Я всё обдумал, — спокойно сказал Юй Шанчжи. — Днём мы оба заняты, а вечером у нас как раз есть немного свободного времени. По пять иероглифов в день это ведь не трудно. Выучим и пойдём спать.

С этими словами он сел за стол и начал писать образцы.

Теперь Вэнь Ецай уже мог безошибочно вывести шесть иероглифов — «Юй Шанчжи» и «Вэнь Ецай». А вот с остальными дело обстояло куда хуже: учил он их как медведь, который кукурузу обрывает - схватит один початок, про другой забудет. Если бы сейчас дать ему книгу и предложить обвести знакомые знаки, весь текст выглядел бы так, будто его разодрал щенок.

— Давно мы с тобой не занимались, — сказал Юй Шанчжи и смягчил задание: — Давай сегодня повторим то, что проходили раньше.

Только вот для Вэнь Ецай то, что значилось «повторением», выглядело как что-то совершенно новое.

Вэнь Ецай долго вглядывался в мужа: взгляд скользнул от мягких, спокойных черт лица к тени на расстёгнутом вороте. И вдруг ему почудилось, да что там, он был почти уверен, что Юй Шанчжи всё это делает нарочно.

Ну и ладно, тогда и он не станет отступать. Гер выпрямился и гордо вскинул подбородок:

— Учиться так учиться! Чего тут бояться?

Юй Шанчжи лишь улыбнулся, ничего не ответил, а затем указал на написанные им пять иероглифов. Он произнёс вслух их звучание, объяснил значение, добавил примеры словосочетаний и составил предложения.

Вэнь Ецай старательно пытался запомнить, но знаки будто не желали застревать в его голове. Тогда Юй Шанчжи терпеливо повторял всё снова и снова, потом задавал вопросы, менял порядок, пока наконец Вэнь Ецай не начал отвечать правильно. Лишь тогда он смилостивился и перешёл к следующему этапу.

Просто узнавать знаки было недостаточно, нужно ещё и уметь их писать. Вэнь Ецай с тяжёлым вздохом взял кисть. Если заучить можно было и на зубок, то кисть и бумага были куда хуже, чем дикий кабан в лесу.

Юй Шанчжи сидел рядом, наблюдая, то и дело поправлял его хватку, но у Вэнь Ецай всё время уходил упор, кисть скользила, линии выходили кривыми, и исправить это оказалось куда труднее, чем он думал.

Юй Шанчжи подождал немного, но в конце концов всё же протянул руку. Его ладонь, чуть крупнее ладони супруга, мягко, но крепко накрыла руку Вэня Ецай. В ухо зазвучал ровный и чистый голос:

— Пальцами и запястьем надо работать, не жёстко давить кистью. Когда привыкнешь, письмо должно быть лёгким, как облака, как струящаяся вода. Правую руку можно чуть отвести в сторону, но не шире плеч.

Вэнь Ецай слушал-слушал и сам не заметил, как внимание ускользнуло от бумаги. Когда спохватился, оказалось, что Юй Шанчжи уже водит его рукой по листу, и на бумаге один за другим проявились только что заученные пять иероглифов.

— Всё, что я говорил, запомнил? — спросил он. — Попробуй теперь сам.

Вэнь Ецай, собравшись с духом, попытался вспомнить обрывки наставлений. Но результат вышел удручающий: его крупные иероглифы всё ещё напоминали крабов, и то не целых, а уже разломанных перед трапезой.

Юй Шанчжи оказался настоящим «строгим учителем»: не отступал, пока супруг не написал хотя бы немного ровнее, и только когда тот сумел воспроизвести все пять знаков по памяти, объявил занятие оконченным. Вэнь Ецай будто получил помилование: едва Юй Шанчжи сказал «достаточно», он поспешно прополоскал кисть в сосуде для мытья и аккуратно повесил её обратно на подставку.

Юй Шанчжи заметил, что пальцы у супруга совсем покраснели, и перехватил его ладонь, осторожно массируя. Вэнь Ецай уткнулся щекой в стол, скосил глаза на мужа, и усталость, вызванная уроком письма, постепенно ушла из его взгляда.

— Сегодня я так старался, — протянул он, — разве мне не положена награда?

Юй Шанчжи, разумеется, прекрасно понял, к чему тот клонит, но нарочно переспросил:

— А какую награду ты хочешь?

У Вэня Ецай в груди словно вспыхнула смелость, и он, не мудрствуя, подчинился собственному желанию - прямо потянулся и прильнул к нему. Неожиданно мир перевернулся: он сам оторвался от табурета, и, в панике обхватив руками шею мужа, понял, что его маленький доктор попросту поднял его на руки.

Награда, конечно, последовала. Только вот к самому концу Вэнь Ецай так и не разобрался, кто же всё-таки получил награду: он или Юй Шанчжи.

Осень принесла прохладу, и дни словно побежали быстрее. Не прошло и нескольких суток, как наступил праздник Чжунъюань — седьмой месяц, пятнадцатое число по лунному календарю, один из важнейших дней почитания предков.

Обычаи в каждом краю были свои, но в глазах Юй Шанчжи обряды деревни Селю напоминали его воспоминания о «середине седьмого месяца». В их доме уже стояли поминальные таблички Вэнь Юнфу и Цяо Мэй. В этот день их вынесли на почётное место, зажгли благовония и трижды поднесли чай и еду. После того как Вэнь-эрню и Вэнь-санья поклонились предкам, Юй Шанчжи вместе с Вэнь Ецаем отправились на заднюю гору, к фамильным могилам рода Вэнь.

На самом деле в деревне жили и другие ветви семьи Вэнь. И хотя отношения между ними давно охладели, на Чжунъюань они тоже возвращались к могилам предков показать, что чтят род. Вэнь Ецай ещё по дороге надеялся, что удастся не столкнуться, но избежать встречи не получилось.

— Тетя, дядя, — отчуждённо поздоровался он, и Юй Шанчжи вслед за ним тоже повторил приветствие.

Перед ними стояла та самая дальняя тётка, что когда-то по поручению Цай Байцао приходила сватать Вэнь Ецай в семью Хань. После того случая ей и самой было стыдно показываться, и всякий раз, когда заходила речь о Вэнь Ецае, из уст её не срывалось ни одного доброго слова.

Но времена изменились: теперь дела семьи Вэнь шли в гору, а Цай Байцао докатилась до того, что ее уже и люди, и собаки презирали. В такой ситуации дальняя родственница и сама не осмеливалась трогать этого племянника.

Обе стороны сухо кивнули друг другу и нарочно разошлись разными путями, каждый отправился к своим предкам. Собственно, и Вэнь Ецай с Юй Шанчжи пришли поклониться лишь могилам родителей, так что больше они и не пересеклись.

В прошлый раз Юй Шанчжи был здесь ещё слепым, а теперь, когда зрение вернулось, он вместе с Вэнь Ецаем помогал пропалывать траву у могил. Когда всё было прибрано, они вдвоём встали на колени перед захоронением, зажгли и сожгли много жертвенной бумаги, а также целую кучу бумажных слитков, которые всей семьёй накануне вечером складывали вручную.

Вэнь Ецай лёгким, почти шутливым тоном проговорил:

— Отец, мать, теперь наша семья зажила богато, так что и вам там, внизу, не нужно беречь каждую монетку, тратьте смело.

Юй Шанчжи тем временем подкладывал бумагу в кострище, наблюдая, как пламя пожирает жёлтые листы. Это считалось добрым знаком: значит, умершие на том свете приняли подношение. И Вэнь Ецай тоже это заметил. Он уселся удобнее и стал неторопливо рассказывать прямо в могильный холмик всё, что было дома: сколько кур завели, сколько уток, какие дела по хозяйству, ни одной мелочи не упустил. Когда уж совсем не осталось, что добавить, он просто взял Юй Шанчжи за руку и сказал:

— Надеюсь, когда мы придём сюда в следующий раз, нас будет уже не двое.

Юй Шанчжи в тот же миг понял, что он имеет в виду. Под прицельным, горячим взглядом супруга ему ничего не оставалось, как тоже пообещать покойным тестю и теще, что он постарается подарить семье Вэнь потомство.

Спускаясь с горы, Вэнь Ецай всё ещё сиял от радости, продолжал перебирать мысль вслух:

— Скажи, если и в следующий раз у нас ничего не получится, неужто отец с матерью приснятся и попросят во сне?

Юй Шанчжи, представив такую картину, впервые ощутил себя совершенно беспомощным.

К вечеру многие жители деревни отправились к реке спускать фонари. В отличие от городских, где можно было купить готовые речные светильники, здесь каждый мастерил их сам: из бумаги складывали лепестки в виде лотоса, а в центр ставили крошечную белую свечку.

Запускали фонари на Чжуньюань не ради исполнения желаний, а чтобы выразить скорбь и дать умершим свет, указывающий дорогу.

В семье Вэнь у каждого был свой фонарик. Когда все четверо опустили их на воду, маленькие огоньки поплыли вниз по течению. Стоило поднять глаза и вся река сияла россыпью звёздочек.

Никто из собравшихся не спешил уходить. Все стояли на берегу, долго смотрели вслед мерцающим точкам, пока они не исчезли из виду, и лишь тогда начали расходиться.

Вернувшись домой, они застали на жертвенном столике ужин и подношенные фрукты уже остывшими. Вэнь Ецай снял еду и угощения, разделил фрукты между домочадцами.

Вэнь-санья, держа в руке грушу, вдруг задал наивный, по-детски чистый вопрос, в самый раз для его возраста.

— Брат, а это отец с матерью ели? — спросил Вэнь-санья, сжимая в руках грушу.

Движение Вэнь Ецай на мгновение застыло. В глазах жгуче зашипало, но он быстро совладал с собой и кивнул:

— Верно. Это то, что отец с матерью уже попробовали.

Санья переглянулся с Эрню, и оба, улыбнувшись, дружно откусили по кусочку. Оба сказали, что очень сладко.

Осенний дождь моросил, поднимался прохладный ветер. С приходом восьмого месяца в деревне начали спешно готовиться к жатве. Помимо весенних посевов риса, на полях зрели летние бобы и кукуруза. В прошлые годы у семьи Вэнь было всего три му земли, а теперь прибавилось ещё шесть му сухих пашен. Подаренные семьей Цянь три му рисовых полей тоже были засеяны, но то был поздний сорт риса, и до уборки оставалось ещё два месяца.

На этот раз работы было так много, что вдвоём они никак бы не справились. Поэтому Юй Шанчжи и Вэнь Ецай решили нанять работников. В этой династии существовал строгий порядок: если в семье не было людей с учёной степенью или чиновного звания, постоянных наёмных работников держать было нельзя. Но в страду подобные запреты не считались, ведь помощь в уборке урожая относилась к временной подённой работе.

Да и зажиточные дома, где наёмные работники имелись постоянно, всё равно во время жатвы нанимали лишние руки: так, во время летней уборки многие мужики из деревни, закончив с собственными полями, шли помогать жать хлеб в имениях семьи Цянь.

Серебро у семьи Вэнь водилось, а вот выбрать подходящих работников оказалось непросто: нужны были честные и надёжные молодые люди, и при этом из семей небогатых, где своей земли мало.

Когда об этом разговор зашёл с Су Цуйфэнь, она предложила кандидатуру:

— Цай-гер должен помнить, — сказала она, — это братья из семьи Фу, один мальчик и один гер.

При этих словах Вэнь Ецай и впрямь вспомнил: в деревне была такая семья. Он пояснил Юй Шанчжи:

— У этих двоих горькая судьба. Родителей у них давно нет, бабушка вырастила, а года два или три назад и её не стало. Есть у них всего две му худой земли, после уплаты податей там почти ничего не остаётся.

Су Цуйфэнь кивнула и добавила:

— Так и есть. У семьи Фу земля никуда не годится, берёшь горсть, а там один песок. С му выходит всего пол-шэна зерна, вот и живут почти всё время на диких травах. Старшему уже девятнадцать, в прошлом году, по завещанию старухи Фу перед смертью, он привёл в дом гера из боковой ветви бабушкиной семьи. Ещё один рот добавился, разве это не беда? А младшему всего четырнадцать. Но оба они парни честные, без лени и хитрости. Думаю, если обратиться к ним, толк будет.

У Вэнь Ецай с семьёй Фу связей почти не было, а Юй Шанчжи и вовсе их не знал. Но раз уж Су Цуйфэнь ручалась, они решили сперва сходить и поговорить.

Старый дом семьи Фу стоял не близко, пришлось пройти полдеревни. Хотя и у других дома были из самана, но у Фу постройка выглядела особенно убого: стены кое-где давно осыпались и были как попало залеплены. Оба невольно вспомнили сильный ливень в конце лета: Су Цуйфэнь тогда говорила, что в деревне у кого-то глиняные стены размывало. Похоже, это был именно их дом.

Юй Шанчжи шагнул вперёд и постучал в калитку. Изнутри раздался голос:

— Кто там?

По голосу Вэнь Ецай понял, что отвечает гер, и поспешил сам откликнуться вместо Юй Шанчжи:

— Я, Вэнь Ецай. Есть одно дело, хотел бы обсудить его с братьями Фу.

Калитка отворилась, и в проёме показалось худощавое лицо молодого гера. Щёки у него были впалые, кожа землистая, но глаза светились живостью. Он быстро окинул взглядом гостей, и тут же воскликнул с пониманием:

— Так это Вэнь-гер и Юй-ланчжун! Мой, да-Мин, с младшим братом эр-Юэ пошли в поле. Вы к ним... по поводу работы?

В голосе прозвучала явная радость, и он с надеждой переспросил:

— Это работа в деревне?

Вэнь Ецай подробно объяснил, в чём дело. Услышав это, гер даже не мог удержать улыбку:

— Вот это было бы счастье! Сегодня утром да-Мин сам ещё говорил, что в страду надо бы поспрашивать, не нужна ли где помощь. Если вы не против, я провожу вас прямо в поле к братьям, ладно?

Юй Шанчжи с Вэнь Ецаем, конечно, согласились. Раз уж пришли, уходить с пустыми руками совсем не хотелось.

Неожиданным оказалось то, что гер, которого старший из братьев Фу недавно привёл в дом, был таким живым и весёлым. На нём была простая холщовая одежда, на голове обычная шпилька, а на лице всё время сияла улыбка.

По дороге он сам представился: он был из семьи Хуан, зовут Хуан Цюэ.

— Зовите меня просто Цюэ-гер, — сказал он.

И вправду, словно маленькая жёлтая пташка чирикает без умолку, но его болтовня не утомляла, а даже вызывала улыбку. Вэнь Ецай заметил, что тот ещё совсем молод. Оказалось, что ему всего пятнадцать, даже моложе Фу-гера из семьи Хань. Будучи тоже гером, он держался к Вэнь Ецаю ближе, а вот на Юй Шанчжи лишь украдкой бросал любопытные взгляды.

Добравшись до участка семьи Фу, они увидели, что у тех нет рисовых полей, а только сухие. По виду кукурузы и бобов сразу было ясно: земля истощённая.

Цюэ-гер окликнул братьев, и с поля один за другим подошли Фу Мин и Фу Юэ. Они часто бывали в деревне, потому Юй Шанчжи им был хорошо знаком. Поздоровавшись, Цюэ-гер тут же поспешил поделиться новостью: мол, семья Вэнь хочет нанять их помочь с осенней жатвой.

Фу Мин сперва удивился, зачем доктор Юй и Вэнь-гер пришли искать их с братом, а когда понял причину, в глазах у него мелькнула радость:

— Правда?

Он заговорил взволнованно:

— Мы с братом оба сильные. Не смотрите, что он гер, работает он в поле ничуть не хуже любого парня.

Фу Юэ поспешно закивал. Ему не раз приходилось сталкиваться с тем, что наниматели не желали брать геров на тяжёлую работу, хотя силы у него было не меньше, чем у мужика. Тем более что о Вэнь Ецае он уже наслышан: хоть тот и гер, но стал охотником, сумел кормить семью и даже привёл в дом мужа-чжусюя. Фу Юэ с лёгким смущением подумал, что всегда восхищался Вэнь Ецаем, просто поводов общаться прежде не находилось.

Услышав, что вместе со старшим братом и его тоже готовы взять в работники, Фу Юэ сразу ощутил в себе такую силу, словно мог в одиночку вспахать всё поле.

Вэнь Ецай сказал прямо:

— Раз уж пришли за вами, то и младшего вместе нанять хотим. По деревенскому обычаю тридцать вэнь в день и одна обеденная порция.

Но Фу Мин замотал головой:

— Младший-то у меня всё же гер, да ещё и помоложе. Работает он старательно, но всё равно не ровень со мной. Двадцать вэнь в день ему будет честной платой, а тридцать не заслужит.

Вэнь Ецай взглянул на Юй Шанчжи, и тот после короткой паузы ответил:

— Пусть начнёт и попробует. Он ведь всего лишь на пару лет младше, а то, что гер, вовсе не значит, что сил меньше.

Эти слова сильно приободрили Фу Юэ. А Фу Мин, понимая, что такие рассуждения во многом продиктованы уважением к Вэнь Ецаю, поспешил подтолкнуть брата:

— Ну что ты стоишь, благодарность хозяевам скажи!

Вэнь Ецай отмахнулся:

— Какие там «хозяева»! Мы же все свои, односельчане. Так и порешим. За день до выхода в поле я пришлю вам весть.

Осенней жатвы было много: вся семья выходила в поле, и даже на восемь му земли работы хватало на четыре-пять дней. Для братьев Фу это значило несколько сотен вэней заработка.

Дома у них оставался ещё и Цюэ-гер, так что их собственные две тощие му можно было убрать даже не торопясь, ничего не пропадало. Оттого они были искренне довольны и, когда Юй Шанчжи с Вэнь Ецаем собирались уходить, долго благодарили их.

Так и дошло дело до преддверия жатвы, когда каждая семья готовилась выйти в поле. Вчетвером они взяли заранее приготовленные дары и отправились к своим угодьям совершить осеннее жертвоприношение. Юй Шанчжи только недавно узнал, что осенью обряд отличается от летнего: прежде чем приступить к жатве, нужно провести простую церемонию, чтобы помолиться о лёгкой уборке и обильном урожае.

Каждая семья приносила дары сама: у кого хватало средств, те клали побольше, у кого не было лишнего, хоть пригоршню шелухи от зерна, но с пустыми руками нельзя.

В этом году семья Вэнь жила куда лучше прежнего, да и земли у них стало больше, так что Вэнь Ецай подошёл к обряду щедро. Он взял не только овощи с поля, но и полную чашку белого риса, да ещё несколько кусочков сладостей, купленных в уездном городе. Вчетвером они пришли к краю поля. Вэнь Ецай сделал круг, выбрал подходящее место, достал свечи и благовония, зажёл их и воткнул в землю. Остальные, глядя на него, тоже сложили поклоны, после чего вместе разложили на земле все принесённые подношения.

Помолчали немного, и когда ароматная палочка благовоний догорела, считалось, что дух полей насытился и отбыл. Эти же дары нужно было отнести домой и разделить между своими, так верили, что все смогут прикоснуться к «божественному дыханию» и получить благословение урожая.

Юй Шанчжи, пройдя вместе со всеми весь обряд от начала до конца, невольно ещё раз отметил про себя: простая деревенская вера по-своему удивительно мудра. Здесь божество словно живёт рядом, под открытым небом, и после того как примет дым и огонь, разделяет с людьми их пищу. Всё устроено так, чтобы ничто не пропадало зря.

Вернувшись домой, они из принесённых овощей и риса приготовили обед, всё подчистую съели, как и полагалось после жертвоприношения. А к ночи и вовсе разошлись по постелям раньше обычного, чтобы выспаться и встретить новый день бодрыми.

Когда темнота стала меркнуть, а на горизонте расплескалось утреннее сияние, по деревне один за другим закукарекали добросовестные петухи и тем самым возвестили: началась осенняя жатва.